
Жорж Островитянин
Путь к виселице.

Жорж Островитянин
Путь к виселице.

https://litres.ru/75050169
SelfPub; 2026

Аннотация

События происходят после гражданской войны между Севером и Югом. В сельской местности. Главный герой, он офицер едет домой. Просто он хочет уставший от войны вернуться к дому. Но сталкивается с тем, что произошло в 1 посёлке. С его боевым товарищем. И он привык поступать в таких ситуациях, как его научила война.

Жорж Островитянин
Путь к виселице.

ДЖЕЙКОБ ГИБСОН. ПУТЬ К ВИСЕЛИЦЕ
Роман

Пролог

Весна 1866 года выдалась сухой. Земля в Техасе трескалась под солнцем, как старая кожа, и ветер носил пыль от горизонта до горизонта, не встречая на пути ни деревьев, ни домов, ни людей. Только шпалы железной дороги, которые ещё не успели сгнить, да редкие ранчо, разбросанные вдоль рек, как забытые Богом кресты.

Джейкоб Гибсон ехал с востока. Гнедой жеребец под ним устал, и сам он устал — от войны, от дороги, от мыслей, которые не оставляли его ни днём, ни ночью. Он был первым лейтенантом армии Конфедерации, а теперь был никем. У него не было дома, не было семьи, не было будущего. Была только лошадь, два «Кольта» на поясе, винтовка Генри в седельной кобуре и револьвер Лема — тяжёлый, девятизарядный, с дробовым стволом под основным. Этот револьвер он забрал у убитого майора федералов под Чикамогой, и с тех пор не расставался с ним. Лем был оружием, которое не подводило. Как и его хозяин.

Гибсон ехал в Рэд-Крик, потому что там жил его друг. Ка-

питан Ван Клифф. Они вместе прошли Второй Манассас, где земля дрожала от канонады, а небо было чёрным от пороха. Они вместе стояли под Геттисбергом, где Гибсон потерял половину своего взвода, а Ван Клифф получил пулю в бедро. Они вместе выжили. А потом война закончилась, и Ван Клифф уехал на запад, чтобы построить дом. Настоящий дом. С женой и детьми.

Гибсон ехал к нему, потому что ему некуда было больше ехать.

Глава первая. Город, который молчал

Пыль, поднятая копытами, оседала на шершавых досках настила. Солнце стояло в зените, выжигая всё живое на главной улице Рэд-Крика. В воздухе пахло порохом, лошадиным потом и смертью. Смертью, которая поселилась здесь три дня назад.

Гибсон остановил гнедого у коновязи. Он не спешился сразу. Острый, как лезвие ножа, взгляд из-под полей шляпы скользил по лицам горожан. Люди прятали глаза. Женщины спешили увести детей в дома, ставни захлопывались с глухим стуком.

Он спрыгнул на землю. Сапоги глухо стукнули о дерево. Он чувствовал, что что-то не так. Слишком тихо. Даже для полудня. В воздухе висело напряжение, густое, как патока.

Он толкнул дверь салуна. Внутри было пусто, если не считать бармена, протиравшего и без того чистый стакан, и оди-

нокой фигуры в сутане, сидевшей в углу с початой бутылкой виски.

— Преподобный, — Гибсон подошёл к стойке, бросив на неё монету. — Где Ван Клифф? Я ищу капитана Ван Клиффа. Мы вместе прошли Второй Манассас.

Бармен вздрогнул. Его рука с тряпкой замерла. Священник, отец Майкл, поднял на Гибсона воспалённые глаза. В них не было ни капли святого смирения — только ужас и горечь.

— Вы опоздали, лейтенант, — голос святого отца был хриплым, словно он кричал всю ночь. — Капитан Ван Клифф мёртв. И его семья тоже.

Гибсон замер. Лицо его осталось каменным, но желваки на скулах заходили ходуном. Он медленно повернулся к священнику.

— Как? — одно слово, произнесённое ледяным тоном.

— Братья Харперы, — отец Майкл перекрестился. — Братья Харперы.

— Они же сдались. Их помиловали. Они фермеры, — Гибсон сжал кулаки.

— Они дезертиры, лейтенант. И убийцы. — Священник сделал глоток из бутылки. — Они пришли ночью. Сожгли дом Ван Клиффа. Сожгли заживо его жену и двоих детей. А самого капитана... — он замолчал, глядя в окно.

Гибсон проследил за его взглядом. На городской площади, прямо напротив салуна, стояла виселица. Новенькая,

сколоченная из свежих сосновых досок. На ней всё ещё висела верёвка. Пустая. Только следы пепла на досках намекали на то, что было недавно.

— Они повесили шерифа? — тихо спросил Гибсон, чувствуя, как внутри него поднимается волна холодной, первобытной ярости.

— Повесили, — кивнул священник. — На глазах у всего города. Мэр, судья Галоуэй, все стояли и смотрели. Никто не выстрелил. Никто не сказал ни слова. Харперы забрали лошадей, оружие и уехали в сторону каньона. Сказали, что вернутся за остальными.

Джейкоб Гибсон медленно подошёл к окну. Он смотрел на площадь, на трусливых людей, которые прятались за своими ставнями. Он видел судью Галоуэя — тучного человека в сюртуке, который нервно курил сигару на крыльце своего дома, поглядывая на виселицу.

— Трусость, — прошептал Гибсон. — Вы позволили им убить шерифа и не тронули их.

— Судья сказал, что это было самосудом, а не войной, — пробормотал бармен. — Что мы должны соблюдать закон.

— Закон? — Гибсон резко обернулся. — Это был мой друг. Он пытался навести здесь порядок, когда мы с ним проливали кровь за эту землю. А вы, — он ткнул пальцем в сторону священника, потом в окно, — вы позволили этим псам войны линчевать его.

Он сбросил плащ. Под ним был старый армейский мун-

дир, выцветший, но всё ещё грозный. На поясе висели два «Кольта» — армейские модели 1860 года, с длинными стволами и удобными рукоятями. За спиной — винтовка Генри с латунной ствольной коробкой, которую он чистил каждый вечер, даже когда не было сил. А в кобуре на левом бедре — револьвер Лема, тяжёлый, как кусок чугуна, с барабаном на девять зарядов и дробовым стволом, который мог выстрелить картечью в упор. Гибсон знал: если дело дойдёт до ближнего боя, Лем спасёт ему жизнь. Как спасал уже не раз.

— Лейтенант, — отец Майкл поднялся. — Их шестеро. Они хорошо вооружены. И они не боятся смерти.

— Они не боятся правосудия, — поправил Гибсон. — Потому что здесь его нет. Судья Галоуэй боится за собственную шкуру. Он позволил им убить человека, который защищал этот город. И теперь он будет платить за это.

Он вышел на улицу. Пыль снова закружилась вокруг его сапог. Судья Галоуэй заметил его первым. Он поперхнулся дымом и попытался скрыться в доме, но Гибсон уже пересёк улицу.

— Мистер Галоуэй! — голос Гибсона прогремел, как выстрел.

Судья замер на крыльце.

— Лейтенант Гибсон... Я слышал о вашем прибытии... Примите соболезнования... Мы все скорбим...

— Заткнитесь, — Гибсон поднялся на крыльцо, и судья отшатнулся. — Вы — окружной судья. Вы видели, как уби-

вают шерифа. И вы ничего не сделали.

— Это было... политическое решение... Мы не можем позволить анархии...

— Политическое решение — это сидеть и смотреть, как вешают невиновного, а потом мыть руки? — Гибсон схватил судью за лацкан сюртука и притянул к себе. — Я даю вам один шанс. Отдайте мне ордер на арест. Или я сам наведу здесь порядок, и тогда закон в этом городе будет моим.

Судья сглотнул.

— Ордер... на кого?

— На братьев Харперов. За убийство, поджог и самосуд.

— Они не будут судиться... Они просто убьют нас всех...

— Верно, — Гибсон отпустил его. — Поэтому я поеду туда сам. Но когда я вернусь, судья, — он наклонился к самому лицу Галоуэя, — у вас будет выбор: либо вы подпишете приговор, либо я вывешу вас на той же виселице, что и Харперов. Закон превыше трусости. Или вы забыли, чему мы учились на войне?

Он отвернулся и направился к лошади. Священник, стоявший на пороге салуна, окликнул его:

— Гибсон! Куда ты?

— В каньон, — бросил он через плечо, забираясь в седло. — К братьям Харперам. Передайте городу, чтобы готовили доски. Только теперь их будет шесть. И я не промахнусь.

Он пришпорил коня и уехал в сторону красных скал, оставив позади город, полный страха, и виселицу, которая жда-

ла новых жертв. Но теперь это были не жертвы. Это были палачи.

Глава вторая. Красные скалы

Каньон начался сразу за высохшим руслом реки. Красные скалы, обожжённые солнцем, поднимались по обе стороны, как стены огромной тюрьмы. Ветер здесь был сухим и колючим, он нёс запах можжевельника и чего-то ещё — старого дыма и падали. Гибсон ехал медленно, держа винтовку Генри поперёк седла. Он знал, что в таких местах нельзя торопиться. Тени здесь падали неправильно, и за каждым валуном мог прятаться ствол.

Он думал о Ван Клиффе. О том, как они вместе стояли под Манассасом, когда земля дрожала от канонады, а небо было чёрным от пороха. Ван Клифф тогда сказал: «Джейк, мы выживем. А потом построим дом. Настоящий дом». И он построил. И его сожгли. Вместе с ним.

Гибсон сжал поводья так, что кожа перчаток скрипнула. Он не позволит себе горевать. Горе — это роскошь для тех, у кого есть время. У него было только оружие и цель.

Он услышал их раньше, чем увидел. Лёгкий шорох камней, осыпавшихся с уступа. Потом — тихое ржание его собственной лошади, которая почуяла чужих. Гибсон натянул поводья и замер. Рука сама легла на рукоять «Кольта».

Их было четверо. Они вышли из-за скал без спешки, уверенные в себе. Трое с винтовками — старыми «Энфилдами»,

снятыми с убитых солдат, один — с луком. Одежда на них была смешанной: кожаные штаны, армейские куртки, снятые с мёртвых — неважно, синих или серых. Лица обветренные, глаза холодные. Они не выглядели как воины племени, вышедшие на тропу войны. Они выглядели как люди, которым плевать, кого грабить.

Старший, с седыми волосами, заплетёнными в две косы, поднял руку.

— Стой, — сказал он на ломаном английском. — Дальше нельзя. Это наша земля.

Гибсон не двинулся.

— Я еду по делу. Не ищу проблем.

— У тебя хорошая лошадь, — седой кивнул на гнедого. — И хорошее ружьё. И два пистолета. Отдай. И езжай пешком. Мы не убьём.

Гибсон посмотрел на них. Он видел, что они не боятся. Они привыкли, что белый человек либо стреляет сразу, либо отдаёт всё. Они не ожидали третьего варианта.

— Я не отдам ни лошадь, ни оружие, — сказал он спокойно. — Я еду мстить за друга. И если вы встанете на моём пути, я буду мстить и за вас.

Седой усмехнулся. Остальные переглянулись. Один, молодой, с волчьим зубом на шее, поднял винтовку.

— Ты один, — сказал седой. — А нас четверо.

Гибсон кивнул.

— Я знаю. Но я воевал четыре года. И я не люблю, когда

мне угрожают.

Молодой с волчьим зубом шагнул вперёд, целясь в грудь Гибсона. Это было его ошибкой. Гибсон выстрелил первым. Пуля из «Кольта» попала молодому прямо в лоб, и он опрокинулся назад, не успев нажать на спуск. Эхо выстрела раскатилось по каньону, как удар грома.

Седой закричал и вскинул винтовку. Гибсон пришпорил коня, и гнедой рванул в сторону, уходя с линии огня. Второй выстрел Гибсона попал в грудь седому. Тот выронил оружие и осел на камни, хрипя.

Оставшиеся двое открыли огонь. Пули взвизгнули рядом, одна чиркнула по седлу. Гибсон соскочил с лошади, укрывшись за валуном, и перезарядил «Кольт» на бегу. Он не паниковал. Война научила его, что паника убивает быстрее пули.

Он выглянул из-за камня. Один из индейцев перезаряжал винтовку, второй целился из лука. Гибсон выстрелил в лучника — пуля попала ему в плечо, и тот выронил лук, закричав от боли. Последний, с винтовкой, выстрелил снова, но Гибсон уже сместился в сторону. Он поднял винтовку Генри и двумя быстрыми выстрелами уложил последнего.

Тишина. Только ветер свистел между скалами, и гнедой нервно перебирал копытами.

Гибсон подошёл к седому. Тот ещё дышал, кровь пузырилась на его губах.

— Ты... — прохрипел он. — Ты не белый человек. Ты дья-

вол.

— Нет, — Гибсон присел рядом. — Я просто человек, который устал терять друзей.

Он поднялся и посмотрел на тела. Четверо. Он не испытывал ни радости, ни сожаления. Только усталость. Он забрал у них патроны, которые ещё оставались, и сел на лошадь. Каньон уходил вперёд, к тёмным скалам, где, по словам священника, скрывались братья Харперы.

Гибсон проверил оружие. Оба «Кольта» были заряжены. Винтовка Генри — полный магазин. Лем — девять зарядов и дробовой ствол. Он посмотрел на запад, где садилось солнце, окрашивая скалы в цвет крови.

— Ещё шестеро, — сказал он вслух. — Ван Клифф, я иду.

И он двинулся дальше, оставив позади четверых грабителей, которые хотели всего лишь лошадь и оружие, но нашли смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.